

В ЗЕРКАЛЕ ИСКУССТВА

Поэту
Семену Липкину — 85.

Общая газ. - 1996. - 19 сент. - с. 11.

ЮБИЛЕИ

Мои темы — Бог и нация

Мария ЛЫХИНА

Семен Липкин с женой Инной Лиснянской

— Долгое время о том факте, что параллельно с советской в нашей стране существует и развивается русская поэзия, «широкой общественности» становилось известно исключительно по судебным процессам и газетным разносам. О Вашем несоветском творчестве «народ» узнал в 1968 году по гневной реакции на стихотворение «Союз» об азиатском «народе по имени И» (датованное годом Шестидневной войны в Израиле).

— На моих творческих вечерах до сих пор задают этот вопрос: что я имел в виду? И каждый раз разочаровываю публику в России и в Израиле тем, что говорю правду. Я прочитал книгу об эпической поэзии южного Китая, в которой упоминался народ И. Меня поразило, что в одной букве сосредоточен целый народ. Даже не предполагал, что мое стихотворение истолкуют как проявление буржуазного национализма, «фашизма под голубой звездой», что последует такая жестокая травля. Советские критики, естественно, не заметили, что дело происходит в языческой кумирне, а ведь евреи — народ монотеистический. Кроме того, я не из тех, кто пишет намеками, аллюзиями. Хотел бы написать об Израиле — не стал бы зашифровывать. Кстати, у меня немало стихов о евреях, о Катастрофе.

— И все же в утверждении, что «человечество быть не сумеет без народа по имени И» — несколько смысловых уровней.

— На вопрос американских читателей, действительно ли это об Израиле, Евтушенко замечательно ответил: «Разве что по Фрейду». Конечно, я хотел сказать, что никакой народ нельзя уничтожить (изолировать, депортировать). С самых ранних лет меня увлекали две темы: Бог и нация. В их соединении и разъединении. Кстати, сейчас эти темы особенно актуальны.

— Переводя древние эпосы, средневековую и современную поэзию киргизов, калмыков, персов, индийцев, Вы как бы становились поочередно буддистом, мусульманином, индуистом или вовсе язычником. Но и герой Вашей лирики — человек верующий.

— Я исповедую иудаизм. Правда, по субботам за пишущую машинку иногда сажусь. Но зато честно поощусь в Йом-Кипур (нарушил эту заповедь только раз в жизни — во время бомбежки в Кронштадте). Но, видимо, я плохой иудей, потому что люблю Христа. Нагорная проповедь мне кажется самым гениальным из всего, что сказал человек.

— Вы долго общались с Мандельштамом. О его отношении к проблемам веры спорят до сих пор.

— Он всегда подчеркивал, что мы живем в эпоху христианской цивилизации. Но от своего еврейства не отрекался, как это делал Пастер-

нак. Я до сих пор помню, как встретил Бориса Леонидовича вблизи Тверского бульвара и он сообщил, что у него родился второй сын. «Как назвали?» — «Лёней». — «Как? Леонид Осипович умер?» — «С чего вы взяли?» Дело в том, что я с детства впитал: новорожденного у нас часто называют в честь умершего родственника, но имя живого давать грешно. Конечно, и Осип Эмильевич не был иудеем в быту, но его философский склад был тесно связан с иудаизмом. Надежда Мандельштам пишет, что ее муж принял лютеранство, потому что стал христианином. Возможно, ей так нравилось думать — сама она родилась в крещеной семье. Но это неверно. Он мне сам говорил, что принял лютеранство только затем, чтобы поступить в университет.

— И все же в Ваших стихах царит экumenизм. — Чтобы это объяснить, надо вернуться в детские годы. Я родился и до 18 лет жил в многоконфессиональной Одессе. И в пору воинствующего атеизма образовалась наша группа — несколько мальчиков и девочек, которые принципиально не хотели вступать в пионеры и комсомол. Мы соединились на той основе, что все ве-

рвали в Бога. Среди нас были армяне, т.е. григорианцы, поляки, т.е. католики, православные, иудеи. Мы любили друг друга и не касались различий в вероисповедании. Мне и сейчас человек верующий очень близок.

— Вы не скрывали это в стихах. Наверное, поэтому их так долго не публиковали, а выхода своей первой книги Вы ждали до 56 лет.

— Должен сказать, что я все-таки делал попытки печататься и ради этого заменял слово «Бог» адекватными понятиями. Кое-где затуманивал смысл, специально удлинял стихотворение. Однажды я принес рукопись Твардовскому. Все тексты он впоследствии напечатал. Но одно стихотворение его неприятно поразило. Он вдруг спросил: «Вы что, в Бога веруете?» Я ему показался человеком странным, диким. «Мы все веруем, но не все о своей вере знаем». Мой ответ его смягчил, он согласился этот текст опубликовать, но попросил приписать двуступице — о том, что всю вышеописанную историю я прочитал в одной старой книге.

— Анна Ахматова часто повторяла, что Семен Липкин входит в первую пятерку современных русских поэтов.

— Она хвалила Тарковского, Петровых, Самойлова, Корнилова. Но у меня было впечатление, что все-таки Тарковского она ставит выше нас. Маруся Петровых, когда я ей об этом сказал, со мной не согласилась. Она, как женщина, была ближе к Ахматовой. Но я остаюсь при своем мнении. Нашу четверку (Тарковский, Штейнберг, Петровых, Липкин. — М.Г.) в то время почти не печатали. Всех по разным причинам. Тарковского — потому что очень хорошо писал. И Маруся (Мария Петровых. — М.Г.) — крупный, значительный поэт. Плохо, что до сих пор ее знают только в узких литературных кругах. Но все встанет на свои места.

— Как Вы относитесь к поэзии «новой волны», к постмодернизму?

— Ходасевич писал о себе: «Жив Бог! Умен — а не заумен». Заумь мне противна. Что же касается многих веяний современной русской поэзии, то талант есть талант. Я понимаю, насколько выше нас Бродский. Он влил в русскую поэзию совершенно новую струю. В свое время наше стихосложение вобрало в себя античность, французскую, немецкую традиции. Бродский же унаследовал и привил русской поэзии черты английской. Я вижу немало талантов и среди менее известных имен. Например, совсем молоденькая Элла Крылова, Иван Жданов.

— Вы почти всегда пишете традиционным стихом, избегаете экспериментов, каких-то новых приемов. Это принципиальная позиция?

— Поэзия не состоит из приемов. Она развивается не в области новых приемов, а в том, чтобы, по слову Достоевского, разгадать загадку человека. Все дело именно в глубине познания человеческой природы. Бродский силен прежде всего этим.

— Он как-то сказал Соломону Волкову, что Вы — человек, «спасший военную тему».

— Знаю, что он обо мне лестно отзывался и составил целый том моих произведений, вышедший в США, когда на родине меня не печатали. Узнав, что я приехал в Штаты, он позвонил, предлагал встретиться. Но не сложилось...

— Кроме военной темы через все Ваше творчество проходит и другая, с ней связанная, — трагедия «малых» народов. Вы много писали о депортации калмыков. Что думаете о Чечне?

— Эта война отвратительна. Огромная империя послала свое войско против народа, депортированного Сталиным. Не понимая характера

этого народа, не понимая вообще значения национального видения мира. Я был связан с Чечней. В 38-м впервые туда приехал — переводить народное творчество и современных поэтов. С последними, к сожалению, много пообщаться не удалось: на другой день после нашей встречи большинство из них было арестовано. Чеченцы — народ очень способный. У них хорошая интеллигенция. Они легко впитывали русскую культуру. И в то же время — потрясающее вольнолюбие. В поэме «Туман в горах», написанной задолго до этой войны, я рассказываю об одном чеченце, который во время депортации скрывался в горах. Я пытался — не знаю, удалось ли — передать чеченский характер. Значение национального характера понимал лишь один большевик — Сталин. Но понимал как гений зла: уничтожал.

— Вам, кажется, поручали переводить и вирши отца народов.

— Да, мне и Антокольскому. Мы испугались и растерялись. С одной стороны, все, что сказал Сталин, — почти как Евангелие, каждое слово — на вес золота. Но нормального перевода без каких-то отступлений от образца не получается. С другой стороны, все это было жуткой банальностью в народническом стиле — как бы Суриков по-грузински. Впрочем, пафоса сталинских виршей я не запомнил, поскольку в те дни у меня было только одно чувство — страх. Мы с Антокольским долго совещались, как бы от этой чести отказаться. И в итоге нашли хороший предлог: считаем себя недостойными, к тому же я не был членом партии. Перевод трудов Джугашвили перепоручили Тарковскому.

— Как Вы будете отмечать юбилей?

— Никак. Посижу с детьми — их у меня четверо — и самыми близкими друзьями. Большинство моих друзей покинули этот мир, но и те, кто моложе, — уже старики.

— Сейчас много говорят о кризисе жанра. Что традиционная поэзия не сможет перешагнуть в новый век.

— В истории русской поэзии был период упадка. Он длился недолго, лет 20: между смертью Некрасова и взлетом символизма. Конечно, в это время жил великий Фет, жил Слуцковский. Однако большинство поэтических произведений были откровенно слабыми. Но постепенно пришли стихотворцы среднего уровня, а потом явился гениальный Блок. И Бунин. И у нас это будет. Сейчас — повторение конца 80–90-х годов прошлого века. Возникла слабость, которая непременно будет преодолена. Этот сценарий заложен в самой структуре русского языка, в специфике русской духовной жизни.